

Осколки и прочее приходилось искать тайно. Ведь, согласно государственной политике, формула сплава должна быть сдана, а неизвестные объекты, полученные в процессе, тем более подлежали сдаче.

Семья Ци, однако, решила спрятать их!

Машина остановилась в усадьбе, и Ци Цзиншэн, держа на руках Ци Цзиньяна, вошел в Зал Чуньцзай. Он попросил нянь и служанок переодеть малыша, покормить его и напоить, после чего сам уложил его на мягкое ложе в восточном крыле.

Ань Хуэй, как хозяйка дома, провела половину ночи в храме предков и вернулась в Зал Чуньцзай лишь на рассвете.

Войдя во двор, она первым делом спросила, где находится Ци Цзиньян. Служанка указала на восточное крыло:

— Он спит вместе с господином Цзиншэном.

Ань Хуэй тихо вошла в комнату и медленно подошла к ложу. Ци Цзиншэн спал в аккуратной позе, а Ци Цзиньян лежал на его плече, укрытый так, что видна была лишь половина его личика.

Она хотела погладить сына по щеке, но боялась разбудить его. Задумавшись, она простояла так несколько минут.

Няня, которая провела с ними всю ночь, не осмелилась нарушить тишину и лишь показала на своем терминале записи о времени кормления, питья и сна Цзиньяна.

Ци Цзиншэн почувствовал ее присутствие, как только она вошла. Легкое колебание силового поля, которым он окутал Цзиньяна, заставило малыша нахмуриться, и он, вырвав одну руку, выразил недовольство, помахав ею.

Ань Хуэй увидела, как ее сын внезапно заворчал и ударил Ци Цзиншэна по шее. Цзиншэн, не открывая глаз, выдохнул, взял его руку и укрыл одеялом, слегка повернувшись, чтобы поцеловать малыша в лоб, и прошептал:

— Не бойся.

Ань Хуэй невольно сделала шаг вперед, но через мгновение Ци Цзиншэн пробормотал что-то и снова уснул, а Цзиньян, успокоенный, спал сладко.

Няня, желая подчеркнуть свои заслуги, тихо сказала:

— Малыш всю ночь спал спокойно, я ни на минуту не оставляла его.

В душе Ань Хуэй словно клубок шерсти, разодранный кошкой. С одной стороны, она чувствовала, что Ци Цзиншэн отнял что-то у ее сына, с другой — замечала, что он обращается с малышом лучше, чем родной отец Ци Минъюн, который вечно где-то пропадает.

Она размышляла об этом, пытаясь понять, что Ци Цзиншэн, похоже, не был тем, кто предаст брата. Может, он просто старше и потому взял на себя больше ответственности.

Но как же быть с Цзиньяном? Как научить его уважать старшего брата, который сильнее, и при этом не расслабляться? Если не сделать это правильно, он может вырасти таким же странным,

как Ци Минжун, который, хотя и выглядит вполне нормально, при встрече с Ци Минъюном сразу же начинает глупить, постоянно противореча старшему брату, но делает это неумело.

Ань Хуэй не боялась, что ее сын поссорится с Ци Цзиншэном. В конце концов, она всегда сможет помочь ему, и по крови Цзиньян имеет больше прав. Она беспокоилась, что в тени столь выдающегося старшего брата ее сын может потерять уверенность в себе. Ее сын должен быть лучшим во всем, и если он будет завидовать или чувствовать себя ущербным, то не сможет стать достойным представителем знатной семьи.

Размышляя обо всем этом и не спав всю ночь, она, вернувшись в главные покои, почувствовала, как у нее закружилась голова, и едва не упала, что заставило сопровождавшую ее служанку закричать.

Во дворе сразу же засуетились: кто-то приносил горячую воду, закуски и кашу, кто-то звал врача, а кто-то докладывал о потерях после ночных поисков.

Ань Хуэй сидела в главном зале, держа в руках небольшую чашку горячей каши, и, отвлекаясь на дела, время от времени чувствовала, как перед глазами темнеет, а мысли снова возвращались к восточному крылу.

В ее возрасте слишком сильные переживания могли сказаться на здоровье. Сможет ли она дожить до того дня, когда Цзиньян женится и обзаведется детьми? Если что-то случится, она не сможет научить его, как не навлечь на себя гнев старшего брата.

Ци Цзиншэн, как бы там ни было, вероятно, лучше других старших братьев.

Размышляя обо всем этом, она чувствовала, как в груди у нее кипит котел с маслом. Она рассеянно отвечала на доклады управляющих, а в конце, не выдержав, поручила все Лю Я и Чэнь Лэ, а сама отправилась спать.

Ци Цзиншэн, слыша шум снаружи, продолжал спокойно лежать с закрытыми глазами. Цзиньян, уставший после вчерашних капризов, крепко спал под воздействием специально созданного силового поля.

Наконец, няня осторожно позвала его:

— Господин Цзиншэн, господин Цзиншэн?

Ци Цзиншэн, обнимая малыша, зевнул и сел:

— Что случилось?

— Пора покормить малыша, — няня с удивлением подошла ближе. — Видно, что с вами ему лучше, он никогда раньше так долго не спал.

Ци Цзиншэн безразлично уложил Цзиньяна обратно в постель:

— Наверное, он устал после вчерашнего плача. Когда завтра поправится, снова будет недоволен, что я его держу, а не вы.

Няня подумала, что это возможно, ведь Цзиньян вчера сильно капризничал, и усталость была естественной, поэтому она оставила этот вопрос.

Ци Цзиншэн наблюдал, как няня и служанки кормили Цзиньяна молоком, водой и небольшим

количеством прикорма, а затем взял его в главный зал, но внутри было тихо:

— Где мать?

Лю Я и Чэнь Лэ сидели в переднем зале, обсуждая с управляющими потери прошлой ночи. Услышав его вопрос, они оба взглянули на него, и Лю Я указала на внутренние покои:

— Госпожа провела всю ночь на ногах и сейчас отдыхает.

Ци Цзиншэн задумался:

— Тогда пусть няня позаботится о малыше, а я вернусь в Павильон Чэнсинь, чтобы переодеться и принять ванну.

Цзиньян, наевшись, снова захотел спать и, недовольно заворчав, когда няня взяла его на руки, быстро уснул.

На полпути к Павильону Чэнсинь Ци Цзиншэн получил сообщение от Ли Хэ:

[Что случилось в Усадьбе Шэньюань? Тревога разбудила полгорода, у нас под домом кто-то кричал, что нужно идти в подземные убежища.]

Ци Цзиншэн вздохнул:

— Кто-то пробрался в храм предков, больше я не знаю.

— Эй, господин Цзиншэн, даже вы не знаете? — Ли Хэ удивился. — Мы думали, что в город пробрался энергетический зверь.

Ци Цзиншэн, взяв коммуникатор, вошел в ванную и, наполняя ванну водой, ответил:

— Просто энергетический зверь — охрана Усадьбы Шэньюань не настолько слаба.

Ли Хэ был проницателен:

— Значит, это что-то важнее энергетического зверя?

В городе, вероятно, так думали многие. Ци Цзиншэн сразу же предупредил его:

— Не говори лишнего. Старшие еще не высказались, и я не знаю подробностей. Если кто-то спросит, не говори ничего лишнего. Занимайся своими делами.

Очевидно, старшие в Усадьбе Шэньюань думали так же, и в шесть утра на первых полосах всех газет появилась новость: прошлой ночью кто-то пробрался в храм предков семьи Ци, повредил родовое древо и реликвии предков. В метель камеры зафиксировали лишь нечеткий силуэт, и объявлена награда за поимку преступника.

Жители города пришли в замешательство: кто-то наблюдал за происходящим со стороны, кто-то злорадствовал — вот вам за вашу спесь! Кто-то сплетничал, гадая, сколько же стоят родовое древо и реликвии, ведь они передавались из поколения в поколение на протяжении сотен лет.

Ци Цзиншэн, лежа в горячей ванне, читал новости:

— Как они получили этот силуэт в метель?

[Они заставили ваших охранников переодеться и сняли их так, чтобы не было видно лица, ха-ха!]

Ци Цзиншэн промолчал. Это был способ, но в любом случае нельзя было сообщить Управлению городской обороны, что именно потеряла семья Ци.

Прежде чем он успел выйти из ванны, тетушка Ли связалась с ним через коммуникатор:

[Господин Цзиншэн, господин вернулся и уже у ворот Усадьбы Шэньюань.]

— Хорошо, — Ци Цзиншэн задумался. — Меня звали?

[Нет, господин сразу направился в храм предков, вероятно, чтобы обсудить что-то со старшими. В Зале Чуньцзай, кажется, малыш снова плачет.]

— Если меня не зовут в Зал Чуньцзай, я не буду вмешиваться. — Ци Цзиншэн завернулся в халат. — Скажите людям во дворе, чтобы не лезли с расспросами.

Летательный аппарат Ци Минъюна приземлился на частной площадке Усадьбы Шэньюань. Он поспешил в храм предков, где несколько старейшин, проведших ночь на ногах, едва держались на ногах.

Ци Хаочэн, увидев его, стукнул тростью:

— Ты слишком поторопился.

Уничтожение родового древа могло привести к серьезному конфликту, но с другой стороны, это были всего лишь старые бумаги. Ци Минъюн, как глава семьи, поспешно запросивший временный маршрут для Третьей планеты, мог привлечь ненужное внимание.

Ци Минъюн сел и выпил чашку горячего чая:

— Я знаю, что поторопился, но я уже запросил временный маршрут для Третьей планеты, и изменить его сейчас было бы слишком подозрительно. Расскажите, что случилось.

Ци Хаочэн и Ци Хаочи кратко объяснили ситуацию.

Примерно так: внучка Ци Хаочи недавно уехала и оставила своего кота у бабушки, чтобы скрасить его одиночество. В ту снежную ночь кот вдруг начал громко мяукать в главном зале.

Ци Хаочи встал и пошел в храм предков, где обнаружил, что кот, с взъерошенной шерстью, бегаёт вокруг курильницы. При осмотре выяснилось, что в дне курильницы было прожжено отверстие.

<http://bllate.org/book/17699/1652371>